

© 2012 г. *А.В. Братухин*

УДК 31

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Одним из социокультурных феноменов общества постмодерна являются многочисленные молодежные субкультуры, стремительное распространение которых в мире в целом и в современной России в частности, стало следствием трансформационных процессов социально-экономического, социокультурного и политического характера. Глубокие преобразования, происходившие в стране в конце 1980-х – 1990-х гг., затронули все сферы жизнедеятельности общества и оказали крайне значимое влияние на развитие молодежных субкультур всех форм и видов.

Переход к политической демократии и рыночной экономике, осуществлявшийся параллельно со снятием «железного занавеса», культурных и идеологических барьеров, отделявших бывшие советские республики от Запада, сопровождался и трансформацией системы ценностей, мировоззренческих и поведенческих ориентиров, в первую очередь у молодого поколения. В течение очень короткого промежутка времени произошла девальвация системы ценностей, господствовавшей в советском обществе на протяжении нескольких десятилетий. По мнению А.В. Носковой, «идеологический и морально-нравственный вакуум последовательно стали завоевывать идеалы индивидуализма, сексуальной свободы, экономической независимости, материального успеха – исконные ценности западного общества, которые сформировались в среде, отличной от нашей ментальной, духовной, географической, религиозной, экономической, политической среды» [1]. Естественно, что это привело и к усилению межгенерационных противоречий между поколениями молодых россиян и старшими поколениями, воспитанными в советской культуре, в совершенно иной системе идеологических и мировоззренческих координат.

Отсутствие альтернативной идеологии, способной заполнить возникший мировоззренческий вакуум, в совокупности с реальной ликвидацией государственной молодежной политики, вслед за роспуском структур ВЛКСМ, отвечавших в Советском Союзе за воспитание подрастающих поколений и усвоение ими господствующих в обществе ценностей и идеологических установок, привело к крайне опасной ситуации, когда молодежь и подростки предоставлены сами себе, фактически – брошены государством и обществом. Естественно, что социальную нишу комсомола, организовавшего и социализировавшего молодых советских граждан, заполнили различные субкультурные сообщества молодежи. При этом, членами субкультур становились представители молодежи всех без исключения социальных групп, хотя, разумеется, в зависимости от социальной принадлежности варьировала и принадлежность к той или иной субкультуре: так, дети интеллигенции и служащих формировали костяк сообществ хиппи, панков, металлистов, дети рабочих, в особенности, в окраинных районах промышленных центров, пополняли ряды группировок полукриминальной направленности. Это связывалось и с условиями жизни конкретных семей, с уровнем образования и доступа к культурным благам, особенностями мировоззренческих установок и воспитания в семьях.

Безусловно, что молодежные сообщества, которые могут быть отнесены к субкультурным, существовали в стране и прежде, начиная с послевоенного времени, когда в 1950-е – 1960-е гг. появились субкультуры «стиляг», несколько позже – хиппи и т.д. Однако, пик формирования молодежных субкультур во всем их многообразии пришелся на 1980-е гг., когда в стране появились многочисленные молодежные сообщества, созданные на основе общих музыкальных предпочтений, времяпровождения, мировоззренческих и поведенческих установок. Через участие в субкультурных сообществах, начиная со второй половины 1980-х гг., проходит значительная часть российской молодежи. Хотя безусловен и негативный компонент в деятельности многих субкультур, связанный с распространением в данной среде антисоциальных форм поведения, алкоголизацией и наркотизацией их участников, в то же время нельзя не отметить и позитивное влияние участия в субкультурах на очень значительную часть молодых людей и подростков, для которых субкультура помогает преодолеть определенные психологические комплексы, способствует самореализации, обретению друзей, любовных и даже су-

пруджеских отношений. Многие молодые люди посредством участия в субкультурах получили стимул к музыкальному, литературному, художественному творчеству, став впоследствии известными деятелями современного искусства и культуры. Некоторые, оставшись лидерами и идеологами субкультурных сообществ и во взрослом возрасте, именно в таком качестве вошли в жизнь социума, получили определенную известность и авторитет среди общественности.

Динамичное развитие молодежных субкультур связано с определенными процессами, происходящими в социальной жизни развитых стран мира начиная со второй половины XX в. Это массовизация и атомизация общества, унификация системы воспитания и образования, кризис института традиционной семьи и рост межгенерационных противоречий, появление поп-культуры и распространение электронных средств коммуникации и информации. Процессы глобализации экономики и культуры способствовали широкому распространению молодежных субкультур далеко за пределы их изначальных очагов – США и Западной Европы, и сегодня последователей многочисленных субкультурных сообществ мы можем наблюдать даже во многих крайне консервативных странах «третьего мира». Посредством электронных средств коммуникации представители субкультурных сообществ из различных стран и даже регионов мира получили возможность общаться друг с другом, что способствует трансляции определенных установок поведения, музыкальных и литературных вкусов, моды и т.д.

В современном обществе государство полностью или частично взяло на себя целый ряд функций семьи, включая и воспитание подрастающего поколения, что послужило причиной постепенной автономизации детей от родителей. Большую часть жизни дети и молодежь стали проводить не в семейном кругу, а в школе, в формируемых по месту учебы, жительства или общности интересов компаниях. Разорвались прежде крепкие межгенерационные связи, тесно соединявшие поколения и обеспечивавшие трансляцию социокультурного опыта. Государственные же образовательные и воспитательные учреждения и организации оказались не в состоянии обеспечить потребность подрастающих поколений в самореализации, коммуникации со сверстниками, предлагая лишь некие формальные и унифицированные стандарты поведения. Между тем, в современном обществе «большинство людей не дей-

ствуют по тотально заданным шаблонам, всегда остается место для вариаций и самостоятельных решений... Чем выше уровень цивилизационно-культурного развития общества, тем полнее член такого социума сознает себя как индивидуальность. Тем, в принципе, насущнее его потребность в обособлении» [2, 177-178].

Можно согласиться с С.И. Левиковой, которая обратила внимание на унификацию системы образования в современном мире как на одну из важнейших детерминант формирования и распространения молодежных субкультур [3]. За несколько десятилетий количество субкультур и их видовое многообразие выросло в геометрической прогрессии, что объясняется, с одной стороны, неудовлетворенностью молодых поколений теми стандартами образования и воспитания, по которым до сих пор функционируют образовательные учреждения и на основании которых формируется и реализуется молодежная политика, а с другой стороны, плюрализацией современного общества, культивацией мультикультуралистских идей, признающих право на сосуществование в социуме множества культур, отличающихся собственными специфическими чертами.

На примере постсоветской России очевидно, что многообразие молодежных субкультур явилось следствием общей демократизации жизни в стране, в том числе политической и культурной плюрализации общества. Именно в конце 1980-х – начале 1990-х гг. молодежные субкультуры в стране становятся массовым феноменом, причем к прежде существовавшим хиппи, панкам, металлистам добавляются только получившие известность толкинисты, индустриалки, скинхеды, растаманы и т.д. Вместе с тем, происходит и определенная деромантизация молодежных субкультур, связанная с повсеместным распространением гедонистических ценностей, в том числе и в среде молодежных субкультурных сообществ.

Наблюдая динамику развития молодежных субкультур в российском обществе, необходимо обратить внимание на то, что по мере расширения информационного поля молодежи, происходит трансформация «старых» субкультурных сообществ в новые, более «модные», а также происходит развитие некогда молодежно-подростковых субкультурных сообществ в более развитые объединения политического или культурного характера. В частности, на базе хиппи, идейно наследовавших линию американских битников и хип-

пи и отечественных любителей КСП (клуб самодетельной песни), получают широкое распространение субкультуры толкинистов, индеанистов и иных ролевиков, растаманы. Несколько позже подобные сообщества становятся базой для формирования молодежных политических и общественных организаций, в первую очередь экологической, антифашистской направленности. Вместе с тем, следует отметить снижение популярности данных субкультур среди современных подростков и молодых людей, которое на наш взгляд связано с широким распространением в российском обществе в последние годы более современных субкультур, в частности – готической субкультуры.

Многие субкультуры, такие как киберготы, риветхеды, сталкеры и диггеры, явились ответом части субкультурно ориентированной молодежи на технизм и урбанизм современного мира [4, с. 149-156]. Для них характерны постапокалиптический и футуристический настрой, проявляющийся в поэтизации индустриального пейзажа, использовании соответствующей атрибутики (знак радиации, противогаз, респиратор) в одежде и символике и т.п.

Информатизация общества, доступность электронных средств коммуникации, включая мобильную связь и Интернет, привели к формированию целого ряда субкультур, основанных на использовании информационно-коммуникационных технологий. Это не только субкультуры хакеров, игроманов, но и субкультура «пранков» – телефонных хулиганов, выкладывающих в сеть Интернет запись телефонных звонков хулиганского содержания известным или неизвестным людям.

В современной России сохраняется и определенное влияние молодежной субкультуры полукриминального характера, для обозначения которой и общество, и многие исследователи используют термин «гопники». Хотя «гопники», строго говоря, не являются оформленной субкультурой, в отличие от тех же хиппи, готов или панков, они обладают рядом признаков, среди которых мы можем назвать консолидацию групп по месту проживания, склонность к насилию и криминальным проявлениям, идеализацию криминального образа жизни и «воровских понятий». Дж. Катц, рассматривавший причины объединения молодых людей и подростков в подобные группировки, выделял среди них не только реакцию на неудовлетворительные условия существования, социальную депривацию, но и эмоциональное удовлетворение, сравнивая подростковые группировки с «мини-нациями», обладающими

собственной символикой и ведущими территориальными войнами [5]. В Советском Союзе 1970-х – 1980-х и, в особенности, в России начала 1990-х гг., молодежные сообщества криминального и полукриминального характера получили крайне большое распространение и влияние. Однако, в более поздний период наблюдаются значительные изменения в их функционировании.

Для молодежных субкультур агрессивной направленности, которые в 1980-е гг. формировались, прежде всего, на основе общего места проживания их участников, по дворовому и районному принципу, характерна динамика трансформации во «взрослые» криминальные сообщества. Практически все знаменитые организованные преступные группировки 1990-х гг. наследовали дворовым субкультурным сообществам – это казанские, люберецкие и многие другие преступные группировки. Криминализация дворовых сообществ осуществлялась посредством идеологического влияния на последних лидеров преступного мира, криминальных авторитетов, которые подчиняли молодежные и подростковые группировки с целью их использования в собственных интересах, в первую очередь – для рекрутирования «бойцов». С влиянием лидеров криминального мира связано и появление в агрессивных дворовых группировках подобия организационной структуры, кодекса поведения, распространения мировоззренческих установок, характерных для профессиональных преступников [6].

«В Советском Союзе 70-х годов толчком к превращению дворовых команд в группировки стало появление теневых предпринимателей – цеховиков. Эти нелегальные предприниматели и связанные с ними криминальные группы были заинтересованы в большей самоорганизации дворовых компаний» [7]. Прогрессирующая динамика развития криминализованных молодежных сообществ в 1990-е гг. была напрямую связана с непростой политической и экономической ситуацией в стране. Процесс приватизации собственности, формирования отечественного бизнеса создал все условия для деятельности организованных преступных группировок, ставших идеалом для «дворовой шпаны». Отсутствие же реально функционирующей государственной молодежной политики, девальвация ценностей и норм поведения в постсоветском обществе привела к тому, что ряды криминально ориентированных субкультурных сообществ и собственно организованных преступных группировок в 1990-е гг. пополнялись крайне значительным количеством мо-

лодых людей и подростков, попавших под влияние идей «воровской романтики» в сочетании с культом денег, власти и жестокости, навязываемым вестернизированной масс-культурой.

Впоследствии, к концу 1990-х – началу 2000-х гг. происходит постепенный спад активности молодежной субкультуры криминально-агрессивной направленности, связанный как с общим улучшением социально-экономического положения в стране, так и с дальнейшей плюрализацией жизни, открывающей перед современными молодыми людьми и подростками более богатый выбор форм и путей самореализации. С.Стивенсон связывает спад популярности молодежных криминальных группировок с общим укреплением социального порядка в стране, легализацией бизнеса и его переходом к использованию законных средств защиты, а также уходом криминальных лидеров в легальный бизнес [7]. Появление же новых группировок, столь же мощных, как и действовавшие в начале 1990-х гг., исключено широкими возможностями современного бизнеса по противодействию рэкету. Поэтому, можно сделать вывод, что динамика развития молодежных субкультурных сообществ полукриминальной направленности будет иметь вектор эволюции в сторону прежних дворовых сообществ, не обладающих реальным влиянием и амбициями. Исключение могут составлять лишь небольшие города и сельские поселения периферии, в которых сохраняется тяжелое материальное положение населения, отсутствуют возможности вертикальной социальной мобильности молодежи и даже простого трудоустройства.

С другой стороны, процессы массовой миграции населения, сопутствующие экономической глобализации, и связанный с ними рост количества иноэтничных и иноконфессиональных жителей, в совокупности с определенными экономическими проблемами государства и неудовлетворенностью части молодежи отсутствием жизненных перспектив и собственным материальным положением, детерминируют появление политизированных субкультурных сообществ экстремистской направленности. Они вытесняют в крупных мегаполисах прежде существовавшие группировки «гопников», поскольку обладают более привлекательной для молодежных масс идеологией, развитой организационной структурой, культивируют чувство принадлежности к единой нации и причастности к общему «благородному делу» очищения страны от мигрантов. В неонацистские и неофашистские группы *white power skinhead* транс-

формируются некоторые дворцовые сообщества хулиганской направленности, наблюдается рост националистических настроений в крайне многочисленной, активной и консолидированной субкультуре футбольных фанатов [8].

Появление неонацистских молодежных группировок провоцирует на ответные действия со стороны субкультуры «антифа», которая пополняет свои ряды за счет панков, скинхедов – антифашистов, рэперов и представителей некоторых других молодежных субкультур, а также национальных меньшинств. Между представителями полярных субкультурных сообществ происходят постоянные стычки и в виртуальном пространстве, и в пространстве города. Данный процесс чреват новой эскалацией насилия в молодежной среде, только проходящей не по линии противостояния криминальных группировок за сферы влияния или борьбы «патриотической» молодежи с «чуждыми» панками и хиппи, а на политической основе. Поэтому одной из задач государства и общества в данном направлении является профилактика радикализации молодежной среды, в том числе и за счет популяризации позитивных субкультур, не ориентированных на насилие и экстремистскую идеологию [6].

Примером достаточно парадоксальной динамики развития молодежной субкультуры с фактической трансформацией ее ценностно-мировоззренческих и поведенческих установок, стала субкультура панков. Появившись в Великобритании 1970-х гг. как ответ на коммерциализацию рок-музыки и интеграцию в «мэйнстрим» движения хиппи, во многом инспирированный постситуационистом М. Маклареном [9], панк-культура за четыре десятилетия своего существования эволюционировала от откровенно эпатажной, проповедовавшей отрицание общественных устоев и саморазрушение, к целому ряду новых форм, которые, напротив, демонстрируют целый комплекс позитивных идеалов и ценностей.

Так, в современном мире значительная часть молодых людей, называющих себя панками, проповедуют стрейт-эйдж (полное неприятие алкоголя, наркотиков, беспорядочной половой жизни), вегетарианство и веганство, экологизм и антифашизм [10]. Многие из них активно участвуют в деятельности социальных движений, помогая бездомным людям и животным, участвуя в кампаниях по защите окружающей среды, против ксенофобии. Тем самым, разрушается традиционный образ панка как абсолютно деструктивного

элемента, сложившийся в прежние десятилетия в общественном сознании. Отметим, что в современном российском обществе появление подобных конструктивных вариантов субкультур стало веянием последнего десятилетия, что свидетельствует о постепенном приятии частью отечественной субкультурной молодежи стандартов социального и политического поведения молодежи развитых стран Запада.

В результате популяризации среди ряда субкультурных сообществ подобной социальной и гражданской активности возникает и перспектива привлечения представителей субкультурной молодежи к общественно полезной деятельности в рамках общественных организаций и даже государственных учреждений, что потребует определенной модернизации традиционных институтов молодежной и социальной политики в направлении повышения их открытости, нацеленности на взаимодействие с гражданским обществом и его структурами.

Дальнейшая плюрализация культуры в современном обществе гарантирует динамичное развитие молодежных субкультур, появление их новых видов и распространение влияния на все большие слои российской молодежи. В этой связи необходимым условием распространения в молодежной среде позитивных ценностей и установок, препятствующих антисоциальным и асоциальным формам поведения, попаданию субкультурных сообществ под влияние криминальных или экстремистских группировок, является формирование активной позиции общества и государства в отношении молодежных субкультур, внимание к нуждам и проблемам молодых людей и подростков. Взаимодействие с субкультурами молодежи позитивной или нейтральной направленности должно стать важной компонентой государственной молодежной политики, а также молодежной политики конфессиональных, политических и иных организаций, пользующихся влиянием в обществе и в молодежной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Носкова А.В. Семейно-демографическая ситуация в России и мире: проблемы и противоречия // http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1783
2. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
3. Левикова С.И. Динамическая модель молодежной субкультуры // <http://open-eyes.ucoz.ru/publ/11-1-0-7>
4. Боева Г. Трансформация феномена сталкерства в постсоветском культурном пространстве // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации. Сб. статей. Вып. 1. СПб., 2009.
5. Katz J. The Criminologists' Gang // Handbook of Criminology. Blackwell, 2003.
6. Белановский С. Субкультура «люберов» // <http://www.sbelan.ru/content>
7. Стивенсон С. Казанский Левиафан: молодежные территориальные группировки и проблема социального порядка // Отечественные записки. 2006. № 3.
8. Тарасов А. Меняющиеся скинхеды: опыт наблюдения за субкультурой // http://www.scepsis.ru/library/id_1000.html
9. Strongman, Phil. Pretty Vacant: A History of UK Punk. Chicago Review Press, 2008.
10. O'Hara C. The philosophy of punk: More than noise. London; San Francisco; Edinburgh: AK Press, 1999.

LITERATURE

1. Noskova A.V. Semeino-demograficheskaya situaciya v Rossii i mire: problemy i protivorechiya // http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1783

2. *Golod S.I.* Sem'ya i brak: istoriko-sociologicheskii analiz. SPb., 1998.
3. *Levikova S.I.* Dinamicheskaya model' molodezhnoi subkul'tury // <http://open-eyes.ucoz.ru/publ/11-1-0-7>
4. *Boeva G.* [Transformaciya fenomena stalkerstva v postsovetskom kul'turnom prostranstve](#) // Stereotipy i nacional'nye sistemy cennostei v mezhkul'turnoi kommunikacii. Sb. statei. Vyp. 1. SPb., 2009.
5. *Katz J.* The Criminologists→Gang //Handbook of Criminology. Blackwell, 2003.
6. *Belanovskii S.* Subkul'tura «lyuberov» // <http://www.sbelan.ru/content>
7. *Stivenson S.* Kazanskii Leviafan: molodezhnye territorial'nye gruppirovki i problema social'nogo poryadka // Otechestvennye zapiski. 2006. ¹ 3.
8. *Tarasov A.* Menyayushiesya skinhedy: opyt nablyudeniya za subkul'turoi // http://www.scepsis.ru/library/id_1000.html
9. *Strongman, Phil.* Pretty Vacant: A History of UK Punk. Chicago Review Press, 2008.
10. *O'Hara C.* The philosophy of punk: More than noise. London; San Francisco; Edinburgh: AK Press, 1999.

Ростовский институт кооперации

по среднему профессиональному образованию

17 марта 2012 г.
